

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛЮБОВЬ ПОД НАРКОЗОМ

ЕКАТЕРИНА РОМЕР

Екатерина Ромеро

Любовь под наркозом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68370002

SelfPub; 2023

Аннотация

От его взгляда у меня дрожат коленки и заплетается язык. Наверное, дело не только в том, что я сейчас лежу под наркозом, а он следит за моим пульсом. Проклятье в том, что этот красивый мужчина – мой врач, и что хуже, именно я сегодня оказываюсь его пациенткой.– Ааа! Доктор!– Что такое, чего ты кричишь?– Я там...там голая?– Конечно.– О Боже, нет! Все, хватит. Мне не нужна операция. Я хочу встать!– Тихо. Тихо, я сказал! Нет. Не вставай. Ты прикрыта. Чего не надо, не видно.Этот тот самый доктор. Я не вижу его, но слышу голос. Низкий и хриплый.Чувствую дрожь в теле, когда он берет мою руку, и укладывает ее на специальную подставку.– Что...это, еще не все разве?– Катетер поставлю и заснешь. Скоро уже.Нежную кожу руки опалает холодный спирт, и я чувствую жжение, а после звук открываемого пластыря.– Вот и все, солнце. Засыпаем.Невинная нежная героиня, настоящий мужчина.Откровенные сцены.Однотомник

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	60
Глава 9	68
Глава 10	73
Глава 11	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Екатерина Ромеро

Любовь под наркозом

Глава 1

В нос ударяет едкий запах медицинского спирта и стерильности. Меня завозят на каталке в операционную, где уже включен яркий свет лампы над высоким хирургическим столом.

В руку еще в коридоре что-то вкололи, поэтому теперь я чувствую, как заметно потяжелела голова, мысли начали путаться, и совсем немного захотелось спать.

Все тело ломит, а нога жутко болит, но сейчас это словно отошло во второй план, сменившись ужасом происходящего.

Я никогда не болела и ни разу не была в больнице до сегодняшнего дня.

Две медсестры помогают мне перелезть из каталки на уже подготовленный операционный стол, от вида которого у меня даже поджилки трястись начинают.

Вскоре они покидают операционную, и кажется, я остаюсь здесь совсем одна, однако это не так.

Операция начнется совсем скоро, и я чувствую, как мое бедное сердце очень быстро бьется в груди, а во рту от страха становится сухо.

За спиной доносится какой-то шорох металла и инструментов. Дыхание спирает. Уже совсем скоро. Господи, помоги.

Кто-то подходит ко мне слева. От сильного волнения либо же введенного ранее препарата моя реакция словно бы затормозилась, поэтому сейчас я даже голову поднять не могу. Лишь сильно вздрагиваю, не в силах успокоить свое бешеное сердце.

Чувствую только, как подошедший берет меня за левую руку, прикладывает большой палец к запястью и немного надавливает, считая пульс. Его руки очень крупные и теплые. В белых хирургических перчатках. Это врач.

– Скоро надо будет подняться и сесть. Слушать меня.

Голос мужской, грубый. Чуть хриплый, явно прокуренный, не дающий ни шанса на возражение.

– Х... хорошо.

В отличие от его, мой голос сильно дрожит и сбивается. Никогда не заикалась, но сейчас от шока не могу даже нормально слова связать. Еще утром я не ожидала оказаться на операционном столе первой городской больницы, но так получилось. Это моя дурацкая ошибка, невнимательность, и этого вообще не должно было произойти со мной.

Мне надо было готовиться к вступительным экзаменам в балетную академию. И я готовилась. Много и долго, пока в один момент моя нога не подвернулась. Я не заметила края и упала со сцены прямо на сложенные внизу декорации. В ло-

дыжке что-то сильно затрещало, и я услышала жуткий хруст.

Это были мои кости, после чего шевелить ногой я больше не могла. Я всегда берегла ноги, это был мой главный инструмент в балете, но теперь даже не знаю, к чему приведет эта травма. Лишь бы там был просто ушиб. Господи, пожалуйста...

Вскоре после падения меня кто-то буквально отодрал от пола, и ребята из группы сразу вызвали скорую. Все время по пути в больницу я была в шоке и могла только кричать от невероятной боли и глотать слезы. Мои тренировки сорваны, а до поступления в академию всего месяц.

Я все еще толком не знаю, что случилось с моей ногой, но, судя по тому, что после снимка пожилой строгий хирург с фамилией Климнюк меня сразу в операционную отправил, дела мои плохи.

Сейчас я лежу на этом жестком операционном столе в одной только синей полупрозрачной медицинской накидке. Всю мою одежду забрали медсестры при подготовке, а волосы сказали заплести в косу, что я и сделала. Проклятые курицы отобрали даже нижнее белье, мою единственную защиту, поэтому сейчас я невольно себя руками обхватываю, чувствуя крайнюю степень смущения от близости с этим врачом.

Это точно мужчина. Я улавливаю легкий запах его парфюма. Холодный и заставляющий меня внутренне еще больше всю сжаться от страха.

– Ты дрожишь. Тебе холодно? – бархатный низкий голос разрезает стерильный воздух операционной, а у меня слезы собираются в глазах. Врач совсем рядом, но я не вижу его. Он что-то делает прямо за моей головой. Я слышу, как что-то щелкает, рядом загорается монитор.

Мое бедное сердце стучит уже где-то в горле.

– Мне страшно. Я боюсь операции. И нога болит... Очень. Я упала. Упала со сцены.

Начинаю реветь. Жалко становится себя просто до невозможности. Вот так в один день жизнь может перевернуться вверх дном.

Он ничего не отвечает, и я прикусываю губу, понимая, что до моих причитаний этому доктору, похоже, вообще нет никакого дела.

Вздрагиваю снова, когда доктор становится сзади и касается моего плеча.

– Сядь на стол. Поднимайся.

Сильной рукой он придерживает меня за локоть, и я все же сажусь, чувствуя невероятную боль в ноге. Малейшее движение ею просто убивает.

– Сейчас надо сделать выдох и не двигаться. Я ввожу наркоз. Поняла?

– Да. Это очень... очень больно?

Не узнаю свой голос. Поникший и сиплый. Что-то мне уже совсем страшно становится. Я думала, что наркоз в руку там делают... Укол один, и уснула.

Разве нет? Похоже, что нет.

– Неприятно скорее. Сними накидку.

– Что? Зачем это?

– Мне надо доступ к твоему позвоночнику получить.

Сглатываю, понимая, что под накидкой у меня нет одежды. Совсем. Я же не буду голая перед ним сидеть тут? Еще чего. Конечно, нет. Что делать...

Обхватываю руками тело, ощущая, как сильно дрожу сейчас в этот момент. Перед глазами все расплывается. Кажется, мои силы постепенно покидают меня, делая податливой, с совсем одурманенной головой.

Это точно тот укол перед операционной. В нем была какая-то дрянь, от которой я теперь словно пьяная. Едва ли мысли в кучу собираю.

– А можно так, чтоб не снимать накидку... Это же вы тогда мою грудь увидите. Я так не могу. Я вас не знаю.

Слышу раздраженный голос позади себя:

– Я не буду смотреть на твою грудь. Давай. Помогу тебе.

Замираю от стыда, когда этот врач действительно помогает мне снять накидку, опуская ее с моих плеч и оголяя меня до пояса. Он действует быстро и холодно, совсем не касаясь кожи, провоцируя стаю мурашек.

Еще ни разу в жизни я не оголялась полностью ни перед кем. Этот врач сейчас стоит за моей спиной, я его до сих пор не вижу, и от этого мне еще более страшно и стыдно. До чертиков просто.

Вздрагиваю, когда чувствую, как к уже голой спине прикасаются явно очень сильные руки. Боже, он трогает мои позвонки, прощупывая их пальцами. Грубовато, особо не церемонясь. Точно как врач.

После этого доктор буквально прогибает меня вперед, надавив на шею и заставляя слушаться его беспрекословно. В других обстоятельствах я бы, наверное, уже орала как ненормальная, но только не сейчас, когда я полуголая наедине с ним в операционной.

Я его пациентка, с которой он может сделать все что угодно, поэтому свой нрав я все же придерживаю.

– Сделай выдох и не двигайся. Обхвати колени руками. Да. Хорошо.

Вздрагиваю, когда чувствую, как доктор смазывает область чуть выше поясницы чем-то мокрым и холодным. По резкому запаху понимаю точно: спирт.

Ох, лучше бы мне общую анестезию сделали, а не эту жуткую... в позвоночник. Даже думать не хочу, как это делается и какого размера иглу он сейчас запустит мне прямо в спину.

Становится страшно. Чувствую себя совершенно беззащитной и ранимой в этот момент. Хочется сбежать. Куда-то очень далеко, быстро и со всех ног, однако я даже не представляю, когда теперь вообще ходить смогу, не то что бегать.

Каменею вся, когда слышу какое-то шуршание позади, после чего чувствую, как в спину вбивается игла.

Жжет. Неприятно. Дико неприятно!

Господи, помоги.

– А-а-а, больно. Больно!

Дергаюсь, но сильная рука врача быстро перехватывает меня за плечо, удерживая на месте.

Он не делает больно, но и не отпускает. Как хищник, держит свою добычу.

Пошевелиться боюсь. Я вся в его власти сейчас. Как мышка, попала в ловушку.

Хнычу, слезы наворачиваются на глаза. И правда больно.

– Не двигайся, девочка. Почти все уже.

Рука врача отпускает мое плечо, и я снова слышу, что прямо сейчас он что-то делает, вводит наркоз.

Сглатываю и вся просто трепещу. В голову словно желе закачали. От страха мало соображаю.

Во рту ощущаю горький привкус. Тело словно постепенно слушаться перестает. Он уже сделал это. Mamochki...

– Все. Теперь ложись. Медленно. Прикройся.

Врач помогает лечь мне обратно на стол и укрывает этой самой накидкой.

Я хочу поджать под себя ноги, но они становятся словно деревянными и совсем не слушаются меня. Даже пальчиками пошевелить не получается.

Ощущение такое, что полтела отняло. Врагу не пожелаешь. Ужас просто!

Быстро опускаю руки и прикасаюсь к бедрам, но не ощущаю их. Совсем! Боже, меня что, парализовало? Нет. Нет, нет!

– А-а-а... Мои ноги!

Паникую и начинаю подниматься, но сильная рука опускает меня обратно на стол, прикоснувшись к плечу.

– Все нормально. Анестезия уже действует. Лежи спокойно. Скоро приступим.

Сглатываю, стараясь не забывать дышать.

Вот и все. Операция сейчас уже начнется. Мне помогут. Мою лапку починят, и все будет хорошо. Я вернусь в балет и сыграю свою Джульетту. У меня главная роль, между прочим. Бабушка ждет и хочет увидеть меня на сцене. Все должно наладиться. Обязательно.

Это все просто надо выдержать. Я же сильная, так ведь?

В операционной прохладно. Запах, конечно, стерильный до тошноты.

У меня подрагивают пальцы, и я слышу собственное частое дыхание.

В глаза светит яркая операционная лампа.

Боже, это ожидание хуже смерти, но я держусь.

Я все еще надеюсь, что моя травма просто ерундовая и уже через неделю я буду танцевать свою партию балета. Я – Джульетта. Наконец-то мне дали главную роль на вступи-

тельных курсах, и я просто не имею права подкачать.

Вздрагиваю, когда двери операционной открываются, и краем глаза вижу, что сюда входят еще двое врачей, говоря что-то грубыми голосами. Они тоже все в операционной одежде. Даже на головах специальные марлевые маски и шапки, делающие их еще более страшными в моих глазах.

Скоро. Совсем скоро уже.

Сердце учащает ритм, но я делаю медленный выдох. Все нормально, нормально.

Я совсем не чувствую своего тела ниже пупка, и от этого становится не по себе. Сейчас даже встать не могу, чтобы увидеть, как выгляжу.

А вдруг... вдруг я голая там, внизу? Может, моя накидка сползла и сейчас они все смотреть будут на меня?

– Доктор! Подойдите! А-а!

– Что такое, чего ты кричишь?

Это тот самый врач, что колол мне анестезию в спину. Я не вижу его, но слышу голос. Где-то над моей головой раздается. Низкий и чуть хриплый. Очень строгий. Такой... пробирающий до мурашек, волнующий, но одновременно с этим успокаивающий своим басом.

– Я там... внизу, голая?

– Конечно.

– О боже, нет! Все, хватит. Мне не нужна операция. Я хочу встать!

– Тихо. Тихо, я сказал! Не вставай. Ты прикрыта. Чего не

надо, не видно.

Чувствую дрожь в теле, когда врач берет мою руку и укладывает ее на специальную высокую подставку.

– Что... это еще не все разве?

– Катетер поставлю, и заснешь. Скоро уже.

Нежную кожу руки опалает холодный спирт, и я чувствую жжение, а после звук отрываемого пластыря.

– Вот и все, солнце. Засыпаем.

Я готовлюсь, предвидя, что вот-вот сейчас усну, но ничего не происходит. По вене разливается что-то холодное, но сна у меня ни в одном глазу.

– Доктор, кажется, ваша анестезия не дейс-с-ству-у...

В голове что-то начинает сильно звенеть и шуметь. Язык заплетается, и вскоре меня просто вырубает.

Глава 2

Мне совсем ничего не снится, даже родители, которых я так мечтаю увидеть хотя бы под наркозом. Спиной ощущаю твердый неудобный стол, а значит, я уже не сплю.

Открываю глаза от каких-то резких металлических звуков. В голове словно мед всколотили, все какое-то заторможенное и расплывчатое, но спать мне уже совсем не хочется.

Немного голову приподнимаю и вижу, как над моей травмированной ногой склонились двое врачей в хирургических костюмах и что-то делают прямо сейчас!

Мамочки. Они же режут меня в эту самую секунду!

К горлу подкатывает тошнота, и я резко хватаю ртом воздух, все еще не понимая, что происходит. Кажется, последние события слиплись в какой-то комок, и сейчас в моем состоянии соображать мне трудно.

– Помогите. Где я... Что...

Слезы подступают к глазам. Это кажется каким-то страшным сном, который все никак не заканчивается.

Хочу подняться, но в тот же миг чьи-то сильные руки ложатся мне на плечи и укладывают обратно на операционный стол.

– Ты на операции еще. Вставать нельзя.

Тот самый бархатный низкий голос. Я уже точно слышала его, и кажется, сегодня.

Немного тошнит, когда слышу едкий запах спирта и каких-то препаратов. Мне не больно, но морально это выдерживать просто ужасно. То самое ощущение, когда понимаешь, что прямо сейчас твое тело режут на части.

– Нет, перестаньте, я не хочу!

Я вроде как взрослая уже, однако в этот момент начинаю жалобно хныкать и стонать. Этот чертов день все никак не заканчивается. Сегодня должна быть финальная тренировка, а не операция!

Ну почему, почему мне так не везет-то все время?

Из глаз стекают слезы, и я невольно кривлюсь от жалости к себе.

– Хватит, пожалуйста! Пожалуйста...

Реву, но чувствую, как кто-то убирает мои волосы с лица и проводит ладонью по голове.

– Спокойно. Посмотри на меня. Я тут. Посмотри мне в глаза.

Открываю вымученные веки, смотрю вверх, и впервые вижу склонившегося прямо надо мной врача. Он в белой хирургической маске, закрывающей все его лицо, кроме глаз. Таких темно-зеленых, больших, невероятно красивых глаз, обрамленных черными густыми ресницами. Волосы доктора тоже не видно из-за медицинской шапки синего цвета.

– Кто вы такой?

Знаю, вопрос глупый, но в этот момент мне как-то не до логических рассуждений. Я лежу на операционном столе в

окружении как минимум трех врачей-мужчин, и мне уж точно не до смеха.

– Врач. Анестезиолог-реаниматолог. Кирилл Александрович. Я тебе эпидуральную анестезию делал, помнишь?

– Ага... помню.

Почему-то сильно заплетается язык, но я изо всех сил боюсь с собой. Спать все еще не хочется, как ни стараюсь. Почему вообще я проснулась раньше времени? Что это за пытка-то такая...

Снова пытаюсь подняться, но Кирилл Александрович не дает. У него прямо-таки стальная хватка и очень сильные руки.

– Нет. Не вставай. Как тебя зовут?

Он все еще склонился надо мной и так смотрит на меня, что я аж замираю. Прямо, строго, опасно. Глазами своими изумрудными сканирует, завораживая меня.

Смотрю на него и произношу тихо, но он слышит:

– Я Ляля.

– Да я понял, что ты ляля. Как тебя зовут?

– Ляля. Имя такое. Ляля Ромашкина.

– Хорошо. Не двигайся, Ляля. Еще не закончили.

Жаль, что я не вижу его лица, но глаза вижу, и боже, какие они... Как омуты, словно драгоценные камни. Невероятно притягательные. Красивые, будоражащие.

Какой-то хруст сразу же приводит меня в чувство. Как я могу любоваться глазами врача и спокойно с ним болтать,

пока хирурги собирают мою ногу?!

Какой кошмар.

– Я не хочу больше. Отпустите! У меня уже не болит нога. Мне уже лучше. Намного.

Всхлипываю. Пытаюсь встать, но его железная рука намертво меня прибивает обратно к столу.

– Нет, рано. Нельзя. Твоя нога не болит, потому что сейчас ты ее не чувствуешь. Спокойно. Операция ещё идет.

– Я не хочу... мамочка!

– Кирилл, да усыпи ты ее уже! Работать мешает, – улавливаю чей-то раздраженный голос. Кажется, я уже слышала его. Когда делала рентген. Этот тот самый пожилой врач. Климнюк, кажется.

– Нельзя, у нее сердце слабое. Перебои все время. Я и так уже лошадиную дозу ввел. Ромашкина, так чувствуешь что-то?

– Где?

Кажется, он как-то проверяет мою чувствительность, однако я вообще ничего не ощущаю.

– Понял. Хорошо.

Устало прикрываю глаза, но понимаю, что спать все равно совсем не хочу.

Слышу, как тикает слева мой пульс. Быстрый, как у мышки. На пальце какая-то прищепка установлена.

В руке капает прозрачная капельница. Раз. Два. Три.

Становится не по себе. Операция кажется вечной, хотя

мне вроде уже лучше. Наверняка там ничего страшного нет. Ох, сколько же новых движений я теперь пропущу, подумать страшно. А вдруг... вдруг вообще не поступлю в академию в этом году?

Холодок проходит по спине. Ой, нет. Даже думать об этом не смею. Я стану известной балериной. Обязательно стану.

Открываю глаза, смотрю вверх, но теперь не вижу этого доктора в синей шапке и маске. Его нет рядом, нет!

Мгновенно становится страшно. Он ушел, а значит, что-то идет не так. Точно не так!

– Кирилл Александрович, где вы, где вы?! – мой голос эхом разносится на всю операционную. Кажется, я кричу. Громко. С надрывом.

Сердце учащает ритм, и я немного успокаиваюсь только тогда, когда через несколько секунд снова вижу этого врача перед собой.

– Я тут. Чего ты кричишь?

– Побудьте рядом. Пожалуйста! Не уходите.

Не знаю, когда успеваю столько наглости набраться, но почему-то мне спокойнее, когда он со мной. Чисто интуитивно хочется верить, что тот, кто без зазрения совести загонял сегодня мне иглу в позвоночник, сможет контролировать ситуацию сейчас.

– Я и был здесь. Ты просто снова уснула. Операция еще идет.

– А как там, внизу... я прикрыта? Никто меня не видит?

– Видит, конечно.

В душе все леденеет. Я, в общем-то, не планировала показывать себя во всей красе чужим мужикам. Господи.

– Что?! Я что, голая? Нет, все! Дайте мне встать. У меня уже ничего не болит! Все прошло, прошло!

Слезы подбираются к глазам. Такого стыда я еще ни разу в жизни не испытывала. Благо все мои выступления на балете проходили в костюмах, ничего лишнего никто никогда не видел. А сейчас на меня смотрят как минимум трое взрослых мужчин. Голую. Совсем голую. Ох, мамочки.

Всхлипываю. Начинаю рыдать в голос.

– Не-ет, не надо!

– Спокойно, Ляля. Посмотри на меня.

Слезы стекают по щекам, но я все же ловлю его серьезный взгляд на себе. Строгий. Мужской.

– Ты прикрыта, и то, чего не надо, хирурги не видят. Закрывай глаза. Ты вообще-то должна спать уже третий час как.

Снова на глаза его смотрю. Красивые. Брови черные, широкие, густые. Интересно, а без маски этот врач тоже симпатичен?

Сейчас вообще непонятно, но, судя по голосу, он мужественный.

– Мне не хочется спать. Пожалуйста, посмотрите на мою

рану. Там все очень плохо?

– Все нормально сделаем. Шрам один только останется.

– Нет! Я не хочу шрам. Мне и так с парнями не везет. Совсем не везет. А тут еще шрам на ноге. Ну зачем?

Слышу смехок врачей. Это хирурги. Да они что, реально надо мной сейчас смеются?!

– Что? Я что некрасивая? Хоть со шрамом, хоть без него?

Голова как-то гудит, и меня заносит.

Вроде я в сознании, но все равно несу что попало. То ли от стресса, то ли от каких-то препаратов, которые мне ввели.

Блин. Похоже, что сейчас мой язык без костей выдаст все мои секреты с потрохами. Никогда особо не была откровенной, а тут на тебе, пробрало.

Прямо на операционном столе мне надо узнать, насколько я хороша. Ужас.

Этот мужчина в маске смотрит на меня строго, но мне так проще. Когда он рядом, спокойнее как-то.

– У всех моих подруг уже давно отношения есть, а у меня... даже поцелуя еще не было. Совсем.

Всхлипываю. Прикусываю кончик языка.

Черт, да что со мной? Ощущение такое, будто мне вкололи сыворотку правды, и теперь меня просто несет, как трамвай с горы.

Слезы собираются в глазах. Сердце учащает ритм. Мне так обидно за себя становится, просто ужас. Начинаю плакать.

– Ромашкина, сейчас не время думать о парнях. Успокойся, слышишь? Посмотри на меня. Спокойно.

Мужчина мою голову обхватывает и заставляет посмотреть на себя. У него большие ладони. Теплые.

– А как же мой балет? Как я буду Джульетту играть с таким шрамом? Видно же будет. Очень.

– Балерина, значит. Ты спать будешь сегодня или нет?

Поднимаю взгляд и снова встречаюсь с этими глазами зелеными, и кажется, у меня срывает стоп-кран. Словно в голову что-то ударяет, и теперь меня уже совсем не по-детски нести начинает.

– Не буду! Ваши глаза. Они красивые. Такие зеленые. Нравятся мне. И голос. И вы... тоже мне нравитесь. Очень.

– Ну начинается! Кирилл, хватит уже издеваться. Давай сделай, чтоб заснула, – какой-то врач недовольно басит рядом.

Я что, мешаю им...

– Я не хочу спать!

– Сколько еще надо времени?

– Минут сорок, и закончу, если балерина наша мешать перестанет. Артем, зашьешь? Мне раньше надо домой сегодня. У жены юбилей.

– Да. Идите уже, Геннадий Петрович. Сами закончим. Тут мелочь осталась.

– Хорошо. Артем, Кирилл, вы тоже допоздна не сидите. Какая у вас, тридцатая операция уже в этом месяце?

– Тридцать пятая.

– Ну вы даете. Молодцы. Кирилл, подколи ей немного еще. Болтает без умолку просто.

Слышу какие-то звуки металла. Вроде как скоро уже все.

– Так, Ляля, засыпаем.

Ощущаю, как этот доктор снова проводит рукой по моим волосам, убирая локон с глаз, за ухо заправляя.

Он так близко, и я невольно улавливаю его запах парфюма. Приятный очень. Завлекающий. Будоражащий всю меня.

– Кирилл Александрович. Я люблю вас...

Язык заплетается, я почти уже ничего не соображаю, но до последнего смотрю ему в красивые зеленые глаза.

– Меня все на этом столе любят. Расслабься. В палате увидимся.

По вене проходит холод, и я устало прикрываю глаза.

Кажется, этот строгий анестезиолог вколол мне что-то только что, отчего вскоре я засыпаю сладким сном младенца.

Глава 3

Загорский сам занимался подготовкой к операции этой молодой пациентки, которую привезли на скорой. Слишком молодой, он бы даже сказал, так как девчонка была хрупкой и какой-то уж больно мелкой.

Кирилл первым делом подумал, что это вообще из детского отделения, но, почитав карту болезни, быстро прикинул даты. Восемнадцать лет. Он и не сомневался, что ей больше. Понятно теперь, чего девчонка такой пугливой была. Зеленая еще.

Странная, конечно. Вместо того чтобы переживать за свою переломанную в двух местах ногу с разорванными связками, эта куколка боялась, что ее кто-то увидит голой.

У Загорского был огромный поток пациентов, и мужчина уже не обращал внимания на эти тонкости и голые тела. Он реаниматолог-анестезиолог, и его задача, чтобы пациент дышал. Все. Остальное его не волновало.

Улыбка невольно тронула губы мужчины, и хорошо, что в тот момент он был в маске.

Как ни крути, но эта девушка привлекла его внимание, хоть у него таких пациенток все время и так вагон и маленькая тележка.

Однако все же именно эта девчонка чем-то зацепила глаз. Нет, она ему абсолютно не понравилась как женщина. Ско-

рее удивила своими странными закидонами, невероятной стеснительностью и тем, что болтала просто без умолку почти всю операцию.

У пациентки были длинные темно-русые волосы, серые глаза с черными ресницами и маленький нос. Пухлые розовые губы часто подрагивали, а еще она их прикусывала. От нервов, наверное, практически все время.

Когда анестезию ей делал, Загорский не мог не отметить выпирающие худые позвонки, длинную шею и хрупкие плечи. Она не была истощена, тело явно тренированное. Спорт, танцы, может быть. Уже на операции врач понял, что девочка балерина.

Пациентка то и дело лепетала про сцену, балет и Джульетту, которую собирается играть, что немного раздражало не только Кирилла, но и всю операционную бригаду. Все же лучше работать под музыку или просто в тишине, а не в сопровождении монолога полусонной пациентки, которая мелеет черт-те что.

Ляля. Странное имя. Загорский даже не думал, что еще где-то используется, но ее звали именно так, и это имя ей очень подходило. Кукольное лицо, хрупкое тело, тонкий нежный голос.

Мужчина был первоклассным врачом и работал в этой клинике уже седьмой год подряд. Начиная практически с нуля, он вырос до уважаемой должности и теперь был ведущим анестезиологом-реаниматологом центральной город-

ской клиники, заведующим реанимации.

Проводя до сорока операций в месяц, Кирилл чертовски устал, но ему нравилась его работа. Пациентов было много и разных, но куколка эта явно выделялась из серой массы.

И пусть за нее в тот момент говорили введенные препараты, напрочь развязав язык, Загорского позабавила эта еще не растраченная юная прямота и непосредственность.

Пациентка наконец уснула и перестала лепетать о своем обожаемом балете, отчего мы с Артемом выдохнули.

– Как там пульс?

– Уже лучше, но сердце все равно барахлит. Больше нельзя. И так добавлял дважды, ее вообще не брало. Странная реакция у нее.

– Да не надо больше. Я все уже.

– Закончил?

– Да. Последний узел вяжу. Готово.

Обхожу и смотрю на зашитую рану. Не очень большой шрам, шов аккуратный.

– Красота. Ювелирная работа.

– Если бы она не дергалась еще все время, лучше бы получилось.

– Да я не пойму, чего ее все время не брало. Такая мелкая. Хоть бы сорок килограмм было. Да и сердце слабое. Ты же видел, как плясало.

– Видел.

Смотрю на пациентку. Спит. Наркоз еще действует. Больше не дергается, не ревет и не болтает без умолку. Странно, что ж такое с ней. Реально не действовал препарат или что? Балерина, блядь, но рисковать не стану.

Артем еще полчаса гипсует ей ногу, накладывая фиксирующую лангету.

– Все. Теперь готово.

– Артем, давай пока ее ко мне в реанимацию на сутки. Операция внеплановая, пусть там переночует. Мало ли что.

– Поехали.

Операция длилась пять часов. Дольше, чем предполагали, но Климнюк вышел довольным, а значит, сделал все, что мог.

Перекладываем пациентку с операционного стола на каталку. Осторожно подхватываю ее на руки, придерживая за шею и поясницу. Артем помогает ноги взять. Легкая, невесомая почти что. Точно нет тут никаких пятидесяти килограмм. Сорок два максимум. Голодает, что ли, балерина, мать ее.

Маша, медсестра, уже каталку прикатила. Укладываем девушку на нее вместе с трубками дренажей. Реанимация тремя этажами выше.

Всю дорогу Ромашкина спит сурком. Ресницы только трепещут. Да уж. Когда надо, не спалось ей, а когда не надо... Ладно.

Заезжаем в реанимацию. Я тут как дома уже, так как если

не в операционной или кабинете, то здесь работаю. Кровати только личной не хватает.

Нахожу свободную палату. Одиночная. Сойдет.

Завозим каталку, ставя ее близко к кровати.

Работаем с Семеровым синхронно. Миллион раз уже так делали. Пациенты разные, тяжелые есть, едва ли поднимешь, но вдвоем обычно справляемся. С этой же соплей вообще просто.

Подхватываю ромашку. Артем берет ноги. Быстро укладываем на кровать вместе с мишурой трубок. Легкая, точно лялька.

Перепроверяю пульс. Слабый, но есть. Похоже, кто-то себя изнурил на тренировках.

– Все? Я пошел тогда.

– Давай. Спасибо. Готовься бухать завтра с Петровичем. Он точно проставится. Жена его классно готовит.

– Да иди ты! Тебе не оставим.

Усмехаюсь. Черт с ними.

Артем выходит, а я колдую над девчонкой еще минут пять. На всякий случай устанавливаю ей подачу кислорода. Уж больно хилая она.

Взгляд падает на лицо пациентки. Утонченное, милое. Точно как кукла. Имя ей идеально подходит. Коса только чуть растрепалась, но это ее не портит.

Восемнадцать лет.

Странно, что парня не было еще, хотя... это не мое дело.

Укрываю девочку одеялом и стараюсь не смотреть туда, куда не надо, даже если накидка чуть сползла и в этот момент приоткрывает обзор на небольшую, но очень красивую аккуратную грудь.

Глава 4

Открываю вымученные глаза и вижу полутьму. Все тело ломит, а еще жутко, просто до невозможности хочется пить. Во рту словно пересохло все, губы потрескались.

Я ничего не пила с самого утра. Перед тренировкой не позавтракала, а потом случилось то, что случилось, и воды мне, конечно, никто не давал.

– Пить. Я хочу пить...

Говорю это вслух вроде, но никого рядом нет. Только датчики какие-то все время пищат над головой. Где я, что случилось...

Пытаюсь пошевелить ногами, встать, но ничего не получается. Полтела все еще онемевшее, а это значит, что после операции прошло совсем немного времени.

Хочу на бок перевернуться, но не тут-то было. Сил нет. Тело словно танком переехали. Даже голову поднять не могу. Блин. Приехали, что называется. Ляля и декорации. Сломанная нога. Аншлаг. Аплодисменты.

В нос ударяет какой-то едкий запах медикаментов из коридора. К горлу тут же подкатывает едкая тошнота. Мне плохо, ой...

– Голову поверни. Вот так. Да. Носом дыши.

Мою голову, словно неваляшку, кто-то поворачивает набок. Жадно хватаю ртом воздух. Становится чуть лучше.

Открываю глаза и в этой полутьме вижу мужчину, который стоит совсем рядом со мной. Это врач. Очень высокий, большой. В синем медицинском костюме, кажется.

– Вы кто?

– Анестезиолог. Кирилл Александрович. Мы виделись. В операционной.

Сглатываю, пытаюсь вспомнить. Голова плохо работает. Мне хочется спать.

Да, я помню его. Точно помню. Тот самый голос бархатный. Это врач, который говорил со мной, успокаивал на операции. Точно он.

– Да, я помню вас. Вы меня по голове гладили.

Говорить все еще тяжело, но я пытаюсь. Все время хочется облизать пересохшие губы, но сил нет даже на это.

– У тебя болит что-то?

Прислушиваюсь к себе. Я своего тела нижнюю половину так точно не ощущаю. Странно и не особо приятно это.

– Нет, не болит. Не чувствую ног. Совсем. И пошевелить не могу.

– Это нормально. Скоро пройдет.

Кажется, только сейчас замечаю, что у меня какие-то трубки торчат в носу. Тут же руку тяну к ним, но мои пальцы быстро перехватывает сильная ладонь врача. Ой, какая она большая, эта ладонь.

– Это кислород. Не трогай.

– Я хочу встать. У меня уже спина болит.

– Нет, Ляля. Лежи спокойно. Ты еще не отошла от наркоза. Давай ляг обратно.

Сейчас этот врач без перчаток, и я могу ощутить его прикосновение к своим пальцам. Теплые руки и очень сильные. Не знаю, почему я так решила, но чувствую это.

– Я пить хочу очень. Пожалуйста, дайте воды.

– Нельзя еще.

Поджимаю губы. Блин. За каплю воды я бы сейчас душу продала. Вот правда. Еще никогда в жизни такой сильной жажды не испытывала.

– Где твои родители? Уже три часа прошло после операции. Почему никто не смотрит за тобой?

– Умерли.

Говорю тихо, но он услышал. За мной некому следить. Бабушка есть, но она плохо ходит. Плевать. Я вообще-то сильная и сама всегда справляюсь с проблемами. Хотя, если уж быть честной, до этого ни разу не болела и в больнице оказываюсь впервые.

Я вообще не знаю, как себя вести и что делать. Я хочу пить. Это сейчас самое сильное мое желание.

Сглатываю. Во рту все еще дико сухо.

Вдруг чувствую влагу на губах. Кажется, какая-то марля прикасается к ним. В рот попадает буквально пара капель воды. Мало. Чертовски мало.

– Оближи губы. Пока достаточно.

Голос грубый, командный, но я слушаюсь.

Становится чуть лучше, но все равно до дикости пить хочется.

– Спасибо.

Блин, когда этот наркоз уже выветрится? Чувствую себя отвратительно.

В следующую секунду снова ощущаю прикосновение, но теперь уже к запястью. Не больно, но так... как-то волнительно.

Открываю глаза. Этот доктор. Кирилл Александрович. Я вижу его силуэт. Ого, что-то он очень сильно высокий и широкий в плечах. Сейчас без маски, но в этой полутьме его лицо плохо видно.

Он взял мою руку и зачем-то приложил палец к запястью. Да он же... пульс мой считает, смотря себе на часы на правой руке. Такие черные и строгие. Близкими переливаются.

Замираю, когда мужчина прикасается к моей нежной коже теплыми пальцами. Губу только прикусываю и наконец могу выдохнуть, когда он молча отпускает мою руку.

Поднимаю на него сонные глаза.

– Кирилл Александрович, я помню, что не спала на операции. Я ничего лишнего не говорила?

– Нет, Джульетта. Нормально все. Отдыхай.

Даже в этой полутьме я замечаю блеск его глаз, а еще, кажется, у него темные волосы и короткая щетина. И красивый он, кажется.

Ой, голова что-то вообще не соображает, и я устало при-

крываю глаза.

Надеюсь, врач прав и я не говорила под наркозом ничего дурного. Я вообще-то воспитанная девочка и не стала бы нести всякую чушь. Ну, теоретически.

После этого мужчина выходит, а я, кажется, засыпаю, отчаянно надеясь на то, что мне просто приснилось, будто я доктору этому в любви признавалась прямо на операционном столе.

Эта ночь кажется мне очень долгой. Просто-таки до невозможности. На этот раз я просыпаюсь резко. От жгучей, невыносимой боли в ноге, которая, кажется, отдает мне прямо в мозг.

Слезы мгновенно подступают к глазам. Хочу встать, но не могу. Тело уже вроде бы не такое парализованное, и я чувствую свои ноги, но подняться все равно не могу.

– Больно... Мне больно!

Всхлипываю. Говорю это вслух, но рядом никого нет.

Двери моей палаты закрыты. Сквозь полупрозрачное стекло я только вижу свет, доносящийся из коридора. Датчики над моей головой периодически пищат, но сейчас мне не до этого совсем. У меня нога болит. Сильно. Господи, не могу, не могу терпеть.

– Медсестра! Подойдите, – мой слабый голос разрывает ночную тишину, но никто не откликается. Осматриваюсь по

сторонам. Это похоже на небольшую одиночную палату с крохотным окном. Рядом со мной куча каких-то проводов и трубок. Я лежу на кровати и испытываю просто огненную боль в этот момент.

– Помогите! Ну хоть кто-нибудь.

Сил на то, чтобы кричать громче, просто нет, а мой слабый голос, кажется, никто не слышит.

Боль в ноге постепенно усиливается. Я стискиваю зубы и терплю, проваливаясь в дремоту, но, кажется, уже через час снова просыпаюсь и чувствую себя хуже. Больно. Не могу терпеть. Это невыносимо просто.

Начинаю плакать в голос. Какая же я дура. Ну как, как можно быть такой идиоткой, чтобы свалиться со сцены и сломать себе ногу? Почему я голову себе дурную не сломала, глупая. Теперь вот мучайся. А до вступительных экзаменов месяц остается, всего месяц!

Пальцами нащупываю прохладную простыню. Не пойму уже, то ли холодно мне, что ли жарко. Ощущение такое, будто мою ногу каждую секунду пронзает тысяча острых ножей. Жуткое чувство, врагу не пожелаешь.

Дышать становится труднее. Почему, ну почему оно не проходит? Мамочка.

Слезы катятся по щекам. Всхлипываю в голос, кажется, теперь уже кричу и реву. Наверное, громко, но мне плевать. Мне и правда сейчас очень плохо.

Замечаю, как открывается дверь, но сил на то, чтобы даже посмотреть, кто там зашел, просто нет. Мне больно, больно, больно!

Из глаз стекают слезы. Странно, я ведь не плачу, а слезы есть.

Вздрагиваю, когда ощущаю прикосновение теплой руки к своему лбу.

– Что такое, чего ты кричишь на всю реанимацию?

Снова этот голос. Хриплый, грубый. Его голос.

– Кирилл Александрович...

Датчики над моей головой почему-то начинают пищать чаще. Боль. Она просто убивает меня.

– Болит... Нога болит. Сильно. Я звала. Никто не подходил. Мне больно, больно!

Что-то я совсем раскисла, но в таком состоянии на самом деле мало что контролируешь.

Наверное, я сейчас выгляжу просто ужасно. Вся красная и зареванная, расстроенная, но сделать ничего не могу. Это сильнее меня. Это невыносимо.

– Все. Тише. Сейчас пройдет.

По руке разливается какой-то холод. Этот доктор. Он вколол мне что-то. Кажется, это было обезболивающее.

От слез я не вижу его. Всхлипываю только, кажется, в голос. С силой сжимаю простыню пальцами дрожащими. До скрипа, до хруста костей.

Пусть пройдет, пожалуйста, пусть пройдет эта жуткая

боль...

И она проходит. Отпускает через минуту, и мне становится намного легче.

Вымученная, вымотанная и жаждущая воды, я засыпаю, замечая, как доктор выходит из моей палаты.

Глава 5

– Ромашкина, солнце уже встало.

Приоткрываю уставшие веки, замуриваюсь от яркого света. Что, уже утро наступило?..

Поднимаю голову и вижу пожилого мужчину в белом халате. Не знаю даже, сколько ему лет. Похоже, что где-то шестьдесят, судя по седым волосам и отчетливой сетке морщин у глаз.

Стойте... Я помню его. Он смотрел мои рентгеновские снимки, как только я поступила в больницу.

– Как самочувствие, были боли?

– Были. Чуть не умерла от них.

Потираю рукой глаза и пытаюсь встать, но не тут-то было. Острая боль в ноге пробирает меня всю, и я невольно шиплю. Как же больно...

– Не спеши пока вставать. Рано. Давай перевязку сегодня я делаю, а начиная с завтра, уже медсестры сами будут.

Тон этого врача точно как у военного, не дает и шанса возразить. Интересно, все медики такие холодные сухари? Похоже, что да. Это у них, наверное, еще в медицинском институте прививается вместе с отказом от жалости и сострадания к больным.

Киваю и вижу, как этот врач проталкивает вперед какую-то тележку. На ней стоят разные бутылки и выложены

стерильные перевязочные материалы.

– Как вас зовут?

– Климнюк Геннадий Петрович, заведующий травматологическим отделением. Я тебя оперировал вместе с Загорским и Семеровым. Буду твоим лечащим врачом. Медикаменты уже тебе назначил. В первые дни будут антибиотики и анальгетики, дальше посмотрим. Родители есть? Препараты дорогие, сразу скажу, ну и надо, чтобы тебе кто-то помогал. У нас питание здесь не очень.

– Нет. У меня бабушка только. Да я сама справлюсь, а за препараты... поняла. Подругу помочь попрошу.

– Хорошо. Разберемся. Значит, так, Ромашкина, ногу беречь. Не мочить. Не наступать пока. Костыли тебе выдадут. Ходить осторожно, не падать, а то сустав второй раз я точно собирать тебе не стану.

Климнюк говорит жестко, без всяких там церемоний, и я только успеваю запоминать, что меня теперь ждет.

Поджимаю губы. Становится до невозможности стыдно и еще неловко. Кажется, я припоминаю, что без умолку просто говорила во время операции. Это никому не нравилось. Вот блин.

Судя по недовольному тону моего врача, Геннадий Петрович тоже это помнит.

– Скажите, когда я смогу вернуться к тренировкам? Когда вы выпишете меня?

– Не так быстро, Ромашкина. Дай время ране зажить, по-

том рентген назначу. Месяц точно. Хочу увидеть, как будет кость срастаться.

– Что? Какой еще месяц?! Вы что, у меня же поступление, у меня планы, балет...

Сердце пропускает пару ударов. Я не могу так долго ждать. Просто не могу.

– У тебя два перелома со смещением. Связки тоже повреждены. Вручную вчера с Семеровым собирали твой сустав, как пазл. Травма тяжелая. Сразу скажу.

– Боже, нет...

Слезы подступают к глазам. Звучит как приговор для меня, но я не верю. Все заживет. Я восстановлюсь. Я же балериной хочу стать. Очень.

– Так, давай ногу показывай.

Тон Геннадия Петровича очень строгий. Ему явно не до сантиментов и уж точно не до моего балета.

Быстро вытираю слезы ладонями. Что-то я раскисла. Надо собраться, и побыстрее.

Медленно опускаю одеяло и вижу, что я голая. Совсем голая! Накидка сползла до самой талии, а трусов на мне нет.

Мои глаза, наверное, по пять копеек становятся. Сердце ускоряет ритм. Вцепляюсь в это одеяло пальцами намертво и смотрю на врача.

– Нет, мне полностью не надо одеяло снимать. Подними, чтобы доступ был к лодыжке.

Сглатываю, чувствуя невероятное облегчение.

Медленно тянусь к одеялу и с помощью Геннадия Петровича открываю вид на перебинтованную ногу. Она в какой-то гипсовой лангете до колена и туго перемотана белыми бинтами, из которых торчат трубки дренажей. Кое-где кровь проступила уже. Что там, под повязками этими, даже представить страшно.

Замираю, когда хирург надевает перчатки, берет ножницы и начинает срезать бинты.

Делает это очень быстро, хватко и без особых церемоний.

– Ай, ай!

– Так, а ну, не дергайся. Что ты как маленькая.

К глазам подступают слезы от его тона, но это ерунда по сравнению тем, что предстает моему взору. Не могу сдержать всхлип, когда врач снимает все бинты и я вижу свою горемычную лодыжку.

Ох, бедная моя лапка. Отечная, тщательно измазанная йодом. Прикусываю губу. Да уж. На пуанты сейчас точно не встану с такой ногой.

Длиннящий шрам вдоль ноги унизан черными нитками. Даже не знаю, сколько тут швов. Наверное, не меньше двух десятков. Мамочки.

Прикладываю руку ко рту, роняя слезы, и смотрю на эту вот “красоту”.

– Господи...

– Господь тут ни при чем.

Уже в следующий миг хирург начинает обрабатывать мою рану какими-то жгущими жидкостями, от которых у меня едва глаза не вываливаются из орбит.

– Ай, жжет, жжет больно!

– Ну а как ты хотела? Операция была непростой, но считаю, что удачной. Посмотрим на снимки. Пока ждем, чтоб зажило. Давай через три недели первый снимок сделаем. Потом видно будет.

Прикусываю щеку изнутри. Этот врач строг, но, кажется, справедлив. Мне неловко с ним, но я так понимаю, вариантов нет. Надеюсь, что Климнюк говорит правду, операция была успешной и у меня очень быстро все срастется.

Мысленно скрещиваю пальчики. За это время я должна восстановиться, а там уже догоню. Я должна поступить. Обязательно должна, так как шла к этому... Сколько? Двенадцать лет!

Балет – это моя жизнь. Это все, что есть у меня, ну и бабушка, конечно тоже, но она вообще вне конкуренции.

Бабульчик одна меня растила. Родителей не стало рано, и она делала все, чтобы заменить их. Теперь болеет, едва ли ходит, и мне уж точно тут разлеживаться нельзя. Я ей должна помогать, а не она мне.

Сердце пропускает удар, когда вспоминаю самого родного человека. Ой, она ведь наверняка не знает, что я вообще в больнице. А это значит... ой, нет. Я не пришла ночевать сегодня домой. Впервые. Она ведь волнуется очень.

– Геннадий Петрович. А моя бабушка? Она знает, что я тут?

Хирург в этот момент как раз заканчивает перебинтовывать мою ногу горемычную. Про пуанты, я так понимаю, пока тоже придется забыть. Но не дольше, чем на месяц. Дольше не имею права просто, иначе вообще плакала моя академия, но это не мой вариант. Я поступлю. Хоть, может, еще нога болеть будет, но все равно. Я должна поступить.

– А я откуда знаю? Мне что, делать нечего – ваших родственников оповещать? Бери и звони, рассказывай, что с тобой случилось.

Поджимаю губы. Стыдно, но бабушку надо оповестить.

– У меня нет телефона. Остался где-то в вещах, в которых меня привезли сюда, но их еще не отдали мне. Можете позвонить моей бабушке, пожалуйста? Она как вы, то есть пожилая. Ой, ну то есть...

Прикусываю язык. Взяла и обозвала своего врача стариком, вызвав у него недоумение на лице. Блин.

Вижу, как Климнюк снимает грязные перчатки, достает из кармана халата закрепленную ручку и блокнот.

– На. Пиши ее номер.

Быстро беру и царапаю домашний номер. Да, мне жутко стыдно и неловко, но я должна. Не могу позволить, чтобы бабулечка переживала.

Передаю доктору бумажку с телефоном. Ручку тоже воз-

вращаю.

– Я наберу ей.

– Спасибо.

Хирург уходит, а я бросаю взгляд на свою перебинтованную ногу. Как я вообще так упала... Это ж просто надо уником быть.

После перевязки я совсем немного подтягиваюсь выше на кровати. Я одна здесь, и кажется, это не травматологическое отделение. Это больше похоже на реанимацию.

Глава 6

Весь день я лежу в кровати, не вставая. Вся в каких-то трубках и проводах. Кислород мне уже убрали, и в нос больше ничего не дует, но на пальце еще есть датчик, и что хуже всего – катетер.

Нет, тот, что в руке, не беспокоит меня. Другой. Мочевой.

Чуть ли не ору, когда случайно нащупываю его между ног. Боже, какой кошмар. Вообще-то я сама в туалет могла ходить, и после операции тоже.

Трубка небольшая, но длинная. Даже представлять не хочу, что кто-то видел меня между ног, когда его устанавливал. А он видел. По-другому бы не получилось, поэтому я всеми силами надеюсь, что катетер устанавливала мне медсестра.

По крайней мере, когда я была в сознании, я не видела, чтобы тот врач-мужчина что-то делал у меня между ног. Кирилл Александрович. Он рядом был со мной на операции и говорил со мной. Пусть строго, но и это помогало мне не сойти с ума от страха.

Чувствую себя какой-то развальной, хоть мне всего восемнадцать. Не привыкла я что-то болеть. Это просто отвратительное чувство.

Периодически заходят медсестры и колют мне, наверное, обезболивающее, так как вскоре после них боль в ноге отступает.

У одной из медсестер я выпрашиваю немного воды и наконец могу утолить жажду, однако, сколько ни пью, хочется еще.

Я еще в реанимации, поэтому здесь не пускают посетителей к пациентам, хотя даже если бы и пускали, ко мне никто бы не пришел. Бабушка сильно болеет в последнее время. Ей самой уход нужен, а не мне супчики таскать в больницу.

Корю себя, наверное, уже в сотый раз за глупость. Если бы я не упала со сцены, если бы не перецепилась, ничего бы этого не случилось. Тренировалась бы снова себе сегодня, а не лежала в больнице с перебинтованной поломанной ногой.

В животе урчит. Мне хочется есть, но встать я пока не могу. Как мне еды достать... Никак.

Насколько я понимаю из слов медсестер, в больнице есть питание, но только для тех, кто в отделениях лежит. В реанимации только тяжелые, обычно без сознания. Меня в отделение травмы должны перевести только завтра. Значит, придется потерпеть. Ничего. Я вообще-то не хрустальная. Не рассыплюсь.

Дальше надо будет Надюше позвонить. Подруга моя лучшая. Попрошу ее хоть орехов мне передать. Хоть что-то.

Я, конечно, люблю диеты и все такое, чтобы форма для балерины держалась, но голодать как-то не привыкла.

Под вечер в реанимации становится еще более тихо и жутко. Из разных палат доносится пищание приборов. Кажется,

тут лечатся особо тяжелые пациенты и я, которая вроде как уже оклемалась.

Лежать под одеялом довольно жарко, но раскрыться я не могу. Я же голая там! Все еще. Честно говоря, даже не знаю, куда мои вещи подевались все. Меня скорая вчера привезла. Штаны на сломанной ноге разрезали сразу до колена. На мне кофточка еще была, ну и белье, конечно.

Честно говоря, я была в таком шоке после падения, что мало соображала и только редела. Когда же в больницу уже привезли, помню, что делали снимок ножки моей горемычной. Дальше поставили какой-то укол, раздели. А после я сразу же поехала в операционную, где увидела его...

Доктора этого зеленоглазого, высокого. Как он назвал меня там, в операционной, тогда... Солнце? Хм. Улыбаюсь. Мне понравилось. Очень даже.

Кирилл Александрович. Это имя мне быстро запоминается, но лицо его я почему-то сейчас припомнить не могу. Только глаза красивые, черные брови и ресницы длиннющие, густые, закрученные. Остальное лицо было маской закрыто.

Он смотрел на меня строго и прямо, так... Ой, Ляля, хватит. Что-то совсем не туда меня понесло.

Нет, я была симпатичной и нравилась себе, смотрясь в зеркало, но с парнями совсем не везло. Я по шесть часов на тренировках пропадала, а потом училась. Как-то не до этого было, хоть и хотелось, конечно, тоже в кино сходить или

хотя бы в парк.

Прикусываю губу. Ага. Уже сходила. С ногой своей этой ковылять теперь только буду, точно зайчишка перебитый, недостреленный.

На меня теперь никто даже смотреть не будет, пока ходить нормально не начну, но это все ерунда.

Балет. Вот о чем я переживаю. Если вступительные через месяц не сдам, это на следующий год сдавать придется заново. Время потеряю, а я терять его не могу.

Я бабушке обещала, что поступлю. И падать со сцены я как-то вообще не планировала.

Смотрю на ногу. Даже пальцами шевелить больно.

Ничего, я поправлюсь за месяц. Наверное...

Ближе к вечеру у меня сильно затекает спина. Как-то не привыкла я лежать весь день и ничего не делать. Уже просто жду не дождусь, когда меня в обычную палату переведут. Может, там веселее будет, да и питание хоть какое.

В животе периодически ноет от голода, но это ерунда. Завтра меня в отделение переведут. Там, может, супчик больничный получу. Уже предвижу его вкус, но все равно лучше, чем ничего.

Нога уже меньше болит. Наверное, обезболивающие помогают, но есть другая проблема. Катетер. Сволочь. Мочевой катетер. Он как-то не так повернулся или что, я не знаю. В общем, между ног начинает сильно щипать и жечь.

Я бы могла сама, наверное, вытащить его, если бы до чертиков не боялась себе там повредить что-то. Я девственница. У меня не было еще никакого парня, и конечно, я как-то не привыкла там лишний раз лазить.

Еще зацеплю что-то... Да ну его!

Первые три часа я еще мирилась с этой болью, но постепенно она стала еще сильнее. Такой, что уже невозможно просто терпеть.

– Медсестра... Медсестра, подойдите!

То самое чувство, словно ты словно на необитаемом острове и отчаянно просишь помощи, а ее нет. Кричишь, умоляешь, а она, сволочь, не приходит.

В реанимации кто-то шумит. Кажется, у них пересменка или что. В конце коридора слышится какой-то галдеж, гогот и смех. Они что там, веселятся? В реанимации прямо?

Стискиваю зубы. Похоже, что да.

Пока эти курицы медсестры там ржут как кони, я же едва ли на стену не лезу от жжения. Да, мне стыдно, но, черт возьми, мне больно между ног. Этот катетер, будь он неладен! Да что с ним не так...

В какой-то момент боль уже переваливает за рамки, и я начинаю реветь, крепко сжав простыню руками. Слезы стекают по щекам. Такой несчастной я давно не была. Наверное, когда родители умерли. Тогда только.

– Как дела, Ромашкина?

Быстро глаза открываю и вижу доктора. Тот самый. Анестезиолог-реаниматолог.

– Кирилл Александрович...

Закусываю губу, чтобы не всхлипнуть в голос. Живот еще сильнее болит при виде его. Я узнаю этого врача сразу по голосу и осанке. Сегодня я впервые могу отчетливо видеть его без всей этой хирургической экипировки и наркоза в моей голове.

Он и правда очень высокий. Широкий в плечах, подтянут, никакого намека на живот и близко нет.

Строгий синий медицинский костюм сидит на нем как влитой. V-образный вырез на рубашке немного открывает его грудь. Лицо очень симпатичное, такое... мужественное. Кожа смугловатая. На мощной шее перекинут стетоскоп.

Сколько ему лет? Просто интересно. Кирилл Александрович явно намного старше меня, но все же еще очень молод по сравнению с моим лечащим врачом. Ему лет тридцать, наверное. Может, тридцать с хвостиком...

Отворачиваюсь. Почему-то мне жутко стыдно, но боль никуда не уходит. Всхлипываю. Как же мне неловко и стыдно, а еще больно. Очень больно.

– Что за потоп?

Слышу, как Кирилл Александрович подходит ближе, а я лишь сильнее ноги смыкаю. Катетер, зараза. Чтоб он провалился пропадом!

Поворачиваю голову и вижу, что мужчина уже совсем ря-

дом со мной. Он подошел прямо к моей кровати и сейчас сканирует меня строгим взглядом.

В нос ударяет его аромат. Приятный, мужской, сильный. Не знаю даже, что это такое. На сирень и мускус похоже. Мне нравится. Приятный запах, будоражащий.

Поднимаю глаза и смотрю на него. Да, мне стыдно, но, блин, надо что-то делать. Я не могу терпеть эту боль, а медсестры, похоже, ушли в разгул сегодня.

– Кирилл Александрович, вы можете... Врача моего позвать, Геннадия Петровича? Пожалуйста! – говорю уже из последних сил, роняя слёзы. Уж лучше пусть Климнюк мне поможет, чем этот мужчина-анестезиолог, который стоит сейчас совсем рядом, но я... стесняюсь его. Очень.

– Он уже домой ушел. Что такое? Болит что-то?

Закусываю губу.

Этот высокий врач смотрит на меня пристально, и я невольно глаза поднимаю, поглядывая на него. Красивый овал лица, прямой нос, ухоженная короткая щетина, брови с изломом, глаза зеленющие и губы – такие строгие, но мне прикоснуться пальцами хочется к ним почему-то.

– Нет. Нормально все. Спасибо.

Доктор коротко кивает, разворачивается и уходит, и в последний момент я не выдерживаю. Слезы уже градом просто катятся из глаз. Я ведь умру так до утра. Не выдержу просто такой боли.

– Подождите, Кирилл Александрович!

Мужчина останавливается и оборачивается, смотря прямо на меня.

– Если честно, у меня болит. Очень сильно жжет и болит там, внизу... Катетер, – буквально выдавливаю это из себя, заливаясь краской смущения.

Боже, до чего же стыдно.

Глава 7

Еще более неловко и стыдно мне в жизни не было, но сейчас боль реально такая, что уже вовсе не до смеха.

Кирилл Александрович как-то странно откашливается и подходит ко мне.

– Тебе что, не сняли мочевой катетер до сих пор? Утром еще должны были.

– Нет. Не сняли. Наверное, забыли, – бубню себе под нос, невольно сильнее натягивая одеяло. Как-то колко мне и неправильно, что ли... В общем, я жутко, просто до предела стесняюсь этого врача.

Сама не знаю почему. От него веет приятным запахом и мужественностью просто за версту.

Прикусываю губу. Как-то теряюсь я рядом с ним.

Дура. Лучше бы молчала. Сейчас бы уже не сидела, наверное, красная как рак, с горящими щеками.

– Ложись. Давай я сниму.

– Вы? Не-ет!

Тереблю пальцами край одеяла. Это ж ему туда надо будет смотреть. Еще чего.

– Если не хочешь, чтобы я это сделал, сиди и жди своего врача до утра.

Кажется, его обидели мои слова.

Доктор уже разворачивается, чтоб уйти, но я буквально

в последний момент хватаю его рукой за край медицинской рубашки.

– Стойте! Пожалуйста. Хорошо... Сделайте вы. Это же не больно?

– Нет. Не больно.

В его голосе какая-то сталь прослеживается, и даже раздражение, отчего мне становится еще более неловко. А он с характером. Чисто врачебным. Таким... как черствый хлеб. Сухарь называется.

– А вы... смотреть не будете?

– В смысле?

– Ну, это, смотреть туда.

Кажется, мое сердце сейчас просто выпадет и домой поскочет. Мне страшно. Еще ни один мужчина ТАМ не смотрел меня...

А вдруг там что-то не так? Мало ли.

Вижу, как от моих слов Кирилл Александрович поднимает одну бровь. Похоже, я что-то не то сказала. Или что?

Я ожидаю, что сейчас он начнет смеяться надо мной, но что-то ему не весело. Мужчина смотрит сейчас на меня как на... дурочку.

– А как, по-твоему, я должен снять катетер с тебя, не смотря туда, где он находится?

Пожимаю плечами.

– Не знаю... Глаза закрыть.

– Так, все, Ляля. Или я делаю, или терпишь до утра.

Сглатываю. Перспектива мучиться и лежать до самого утра с этой трубкой между ног меня совсем не привлекает.

– Хорошо! Делайте вы. Пожалуйста. Я не вытерплю до утра.

Слышу шумное дыхание, после чего Кирилл Александрович подходит к раковине в углу палаты и тщательно вымывает руки с мылом. После промакивает их бумажным полотенцем, достает из медицинского шкафчика стерильные перчатки, надевает их и идет прямо ко мне.

Замираю. Что-то мне уже страшно.

– Одеяло уברי.

Закусываю губу, но слушаюсь. Боль уже просто на грани.

Медленно тянусь к одеялу и откидываю его, зажмуриваясь.

Боже, как мне стыдно! Кажется, даже дышать перестаю. Я же голая там. Совсем голая перед этим взрослым мужчиной.

Ну и что, что он врач! Он также и мужчина. Взрослый мужчина, от которого у меня почему-то сильно учащается дыхание.

Вздрагиваю, когда Кирилл Александрович подходит очень близко и прикасается к моему бедру. Не больно. Буквально двумя пальцами в перчатках.

– Ножки шире немного. Не напрягай живот.

Преодолевая просто вселенское уже смущение, делаю, как он говорит.

Вскоре по телу проходит разряд оголенного тока, когда я

чувствую, как к нежным складочкам промежности прикасаются умелые руки врача в перчатках. Что он делает, что...

– А-ай! Больно. Больно! – громко вскрикиваю, когда ощущаю, как анестезиолог одним махом вытащил мочевой катетер из меня. Сразу же замечаю, что болеть там стало меньше. Сглатываю. Смотрю на врача, жадно хватая ртом воздух.

– Чего ты кричишь? Не больно ведь. Страху было больше. Доктор выбрасывает катетер и снимает перчатки, а я быстро натягиваю одеяло, чувствуя, что щеки уже просто горят огнем.

Странно, почему я так реагирую не него... Он же врач. И наверняка ему вообще было все равно, что он ко мне прикоснулся.

– Жечь еще может немного, но болеть уже не будет.

– Спасибо... Вы могли не делать этого.

– Чтобы ты мне на всю реанимацию кричала от боли? Нет уж.

Сухо и холодно.

Поджимаю губы. Понятно теперь, зачем он сделал это. Чтобы я не тревожила других больных своими криками.

– Кирилл Александрович, спросить можно?

– Смотря что.

Он смотрит на меня строго, и я невольно сильнее натягиваю одеяло, стараясь защититься от пристального взгляда врача.

– Геннадий Петрович говорил, что я на операционном

столе болтала. Я ведь ничего такого не сказала там? Мне почему-то кажется, я говорила что попало, даже... в любви вам там призналась.

Невинно хлопаю глазками. Ну а что? В адекватном состоянии я могла такое сказать только под действием сильных препаратов и уж точно не при первой встрече с женщиной.

Я вообще не влюбчива. Ну, по крайней мере, до сих пор не влюблялась ни в кого.

Врач смотрит на меня, и после я впервые вижу, как он улыбается. Мамочки мои.

Боже, какой он... красивый! Лучезарная улыбка просто. Такая, от которой колени бы подогнулись, если бы я сейчас стояла перед ним.

– Тебе не кажется.

Сердце пропускает пару ударов. Что я наделала?!

– Простите, я не...

– Все нормально. Ты была под препаратами. Мне пациенты и не такое на операционном столе выкладывают. Один как-то номер карты продиктовал. Не бери в голову, малышка.

Обнимаю себя руками. Почему-то мне теперь еще более неловко перед ним.

“Малышка”. Произносит так, словно я ребенок. А я не ребенок! Мне восемнадцать, вообще-то, уже. Интересно, а ему сколько... На вид он взрослый мужчина.

– Спасибо.

Доктор выходит, а я нервно тереблю край одеяла.

Видимо, это все же был не сон и я реально молола черт-те что на операционном столе.

Становится меганеловко уже перед ним.

Этот мужчина уже видел меня всю голой, а я ему в любви призналась. Да уж...

И еще. Я не заметила обручального кольца на безымянном пальце Кирилла Александровича. Получается, он что, не женат? Так, чисто интересно.

Сегодня Загорский был на сутках и делал обход. Как обычно, реанимация шла первой по очереди. Медсестры как раз сменялись, и он в очередной раз увидел, как они строят ему глазки. Конечно, это было приятно, но за годы работы Кирилл уже адаптировался к подобному вниманию и попросту его игнорировал.

Из самого конца коридора он слышал сдавленные крики и сразу направился туда.

Ромашкина Ляля. Звуки исходили из ее палаты.

Та чудная девочка и немного с прибабахом, как казалось Кириллу. Он запомнил ее голос еще с операционной. Очень тонкий и ласковый, завлекающий, но сейчас срывающийся от криков.

Загорский вошел в палату и увидел пациентку на кровати. Ляля лежала с закрытыми глазами и что есть сил сжимала

простыню пальцами, те аж побелели.

Он понял, что ее что-то беспокоит, хотя девчонке по-любому должны были колоть еще обезболивающее каждые четыре часа.

Пациентка выглядела измученной. Она часто дышала и грызла свою нижнюю пухлую губу, что не могло не привлечь внимание Кирилла.

Конечно, он был доктором и прекрасно знал про врачебную этику, но того, что одновременно с этим он был мужчиной в расцвете сил, никто не отменял.

Когда услышал, что у нее с катетером беда, удивился, почему она терпит и, главное, не хочет, чтобы он помог. Только через секунду понял, в чем тут дело.

Девочка жутко стеснялась, судя по тому, какими пунцовыми стали ее щеки и как сильно она теребила одеяло, когда он предложил ей помощь.

Ляля до последнего упиралась, но после все же согласилась, чтобы он помог с катетером, да и медлить с этим точно было нельзя. Загорский прекрасно понимал, что у нее уже воспаление началось, и дальше было бы только хуже.

Кирилл вымыл руки и надел перчатки. К тому моменту его пациентка все еще лежала, укрывшись одеялом чуть ли не до самых ушей.

Когда же одеяло убрала, он увидел плоский живот, худые красивые ноги и голую промежность. Все было очень аккуратно, и Загорский не мог не заметить, что девушка была

красивая. И там в том числе.

Осторожно прикоснулся к ее складочкам и, стараясь действительно не смотреть туда, куда не надо, вынул катетер.

Да, процедура не из приятных, но так нужно. Оставь он катетер до утра, у Ляли были бы куда более серьезные проблемы в виде температуры и жуткого воспаления, что уж точно ей не было нужно.

Пока делал эту незамысловатую процедуру, невольно отметил, что Ромашкина сначала покраснела, а после задрожала от одного только его прикосновения. Очень чувствительная, но уж больно молодая.

Да чего уж там, юная. Глаза квадратные, дышит часто. Про парней, видать, точно не врала. Ясно с ней все.

Малолетка, хоть и красивая. Глаза как блюдца. Перепуганные, серые. Губы пухлые. Лицо кукольное.

Повезет же кому-то лет так через пять, когда она поспеет.

Загорский снял перчатки и вышел из палаты. У него было еще как минимум пятнадцать пациентов, которых он должен был обойти за дежурство.

Глава 8

Следующим утром я просыпаюсь от дикого голода. Еще никогда в жизни такого не было, но сегодня это именно так. Господи, я голодная, как зверь, и очень хочу пить. Жду не дождусь уже, когда меня переведут из реанимации, так как, честно говоря, я вообще не понимаю, почему меня сюда поместили.

Кроме моего голода и отсутствия одежды есть еще одна проблема – мои волосы. Хоть они и были заплетены в тугую косу вчера, сегодня все распустилось, и без расчески, наверное, я похожа на домовенка.

Волосы темно-русые и мягкие. Если не расчесывать, превращаются в антенки, торчащие во все стороны.

Как назло, как раз когда я в таком слегка диковатом состоянии, ко мне в палату заходит мужчина в зеленом медицинском костюме, которого я вижу впервые.

– Как нога?

Ни здравствуйте тебе, ни до свидания. Я немного теряюсь от такого приветствия с порога.

– Лучше уже. А вы...

– Семеров. Артем Алексеевич. Оперировал тебя с Климентом.

– А... Понятно.

Натягиваю одеяло повыше. Передо мной стоит молодой высокий врач. Он не менее симпатичен, чем Кирилл Александрович, но у него глаза темнее, и в целом какой-то он уж больно угрюмый и резкий. В общем, хирург. Этим все сказано.

– Сейчас каталку привезут. В отделение поедешь.

Даже рот открываю от возмущения. Семеров просто ставит меня перед фактом. Странный тип, однако, ну да ладно. Может, хирург хороший. У таких обычно свои тараканы.

– Хорошо.

Еще больше подтягиваю одеяло, когда Семеров подходит ближе. Становится не по себе. Краем глаза через открытую дверь замечаю проносящегося мимо моей палаты Кирилла Александровича, и в душе все холодеет.

Не знаю, почему так реагирую, но вся внутренне сжимаюсь. Загорский проходит мимо и даже голову в мою сторону не поворачивает, но, кажется, его тоже заметил этот, второй. Артем Алексеевич.

– Кирилл! Ты еще не ушел? А зайди сюда.

Съеживаюсь от громкого голоса и смущаюсь вдвойне, когда Кирилл Александрович останавливается и поворачивает прямо ко мне в палату.

Сглатываю, понимая, что сижу, наверное, уже вся красная как рак.

Зачем Семеров позвал и его? Ему что, мало моего смущения? Им нужно вместе смотреть на то, как мне стыдно ста-

новится в их присутствии?!

Кирилл Александрович заходит в палату. Замечаю, что сегодня он выглядит уставшим. Из кармана его рубашки выглядывает пачка сигарет. Не удивлена. Почему-то так и думала, что он курит. Похоже, Загорский совсем не спал за это дежурство.

– Ромашкина. Как дела?

– Лучше. Спасибо, – говорю тихо, но он слышит, и я не знаю, куда деть свои глаза от смущения.

– Лена каталку привезет. Помогите пациентку переложить.

– Давай.

Смотрю на этих докторов и немного в шок прихожу. Они говорят обо мне, словно меня тут нет или я вообще предмет на полке.

Складываю руки на груди, чисто интуитивно пытаюсь защититься от этих мужиков-врачей.

– Вообще-то я сама могу дойти! Не надо мне вашей каталки. Я не инвалид.

– Пока не можешь. На ногу чтоб не вздумала наступать, а то мои пять часов в операционной по пиз... гм, в задницу пойдут.

Бросаю гневный взгляд на этого Артема Алексеевича. Да уж. Тот еще тип.

– Кирилл Александрович...

– Он прав. Давай. Не капризничай.

Скрещиваю руки на груди. Я и не капризничаю вооб-

ще-то. Что-то Загорский бесит уже меня. Не на шутку прямо!

Да они тут, похоже, под одну дудку пляшут, и слушать меня, конечно, никто не собирается.

Из коридора доносится какой-то скрип, и вскоре я вижу, как в палату заходит молодая симпатичная медсестра в белом халате и тянет за собой старенькую скрипучую каталку.

– Боже, едва дотащила! Когда нам уже новые каталки привезут? Всем отделением праздновать будем.

– Спасибо, Ленусик.

Вижу, как эта “Ленусик” расплывается в улыбке, видя Семерова, а после вообще расцветает, когда замечает Загорского.

– Ой, Кирилл Александрович, и вы тут?

Медсестра тут же прихорашиваться начинает, дергает свои крашенные патлы и поправляет уж больно короткий халатик.

– А где быть заведующему реанимации, как не в реанимации? Не задавай глупых вопросов.

Медсестра на это начинает уж больно наигранно смеяться, а мне почему-то хочется ее придушить. Так тихонько взять и перекрыть воздух.

Она смотрит на Кирилла Александровича как на вкусный кусок торта, и почему-то мне это не нравится. Хочется ее вышвырнуть отсюда, и поскорее.

– Лен, мы сами справимся. Можешь быть свободна.

В этот момент я мысленно дарю приз Семерову за то, что так лаконично отшил эту Лену. Она бросает расстроенный взгляд, но после все же уходит, показывает всем нам просвечивающий на спине халатик, через который отчетливо видны лямки белого бюстгальтера и такие же стринги. Ужас какой.

– Так, все, поехали.

Вздрагиваю, когда Артем Алексеевич подходит и дергает мое одеяло, отчего я издаю истощенный крик, понимая, что под ним ведь нет ничего!

– Нет! Не надо!

– Чего ты орешь?

– У меня одежды там нет!

Почему-то начинаю дрожать. Бросаю взгляд на этих мужчин. Оба высокие и сильные врачи, и я тут одна с ними. Со всем одна.

– Хм, ясно.

– Артем, я сам подхвачу ее, а ты ноги уложишь, чтоб лангету не сломать.

– Ну... ладно.

Прикусываю губу. Ощущение такое, словно они делят меня по частям. Кому ноги, кому голова. Бр-р...

Замираю, когда Кирилл Александрович куда-то уходит, а после возвращается с чистой простыней в руках.

– Этим прикройся.

– Спасибо.

Осторожно беру простыню и, будучи под одеялом, обматываюсь ею, оставляя только ноги голыми. Там гипс все равно. Сильно не прикроешься.

Загорский подходит ко мне ближе. В нос тут же ударяет уже знакомый и очень приятный запах, заставляющий меня волноваться.

Осторожно откидываю одеяло, чувствуя, как внутри все трепещет.

– Так. Ухватись за меня, и я подниму тебя, хорошо?

– Хорошо...

Мужчина наклоняется ко мне. Осторожно поднимаю руки и обхватываю Кирилла Александровича за шею, невольно касаясь его коротких жестких волос и теплой кожи.

Мужчина протягивает руки мне под лопатки и колени, приподнимая с кровати, в то время как Семеров берет ноги и провода дренажей, все еще торчащие из раны.

Это всего лишь миг, но мне он в мозг вбивается намертво в момент, когда Кирилл Александрович меня к себе прижимает. Приятно, страшно, так... волнующе.

Я не ошиблась. У него очень сильные руки, а еще, кажется, я слышала, как его сердце бьется, или мне это просто привиделось.

В любом случае мне очень понравилось быть в его руках. Жаль только, что длилось это меньше секунды. Врачи быстро переключают меня с кровати на каталку, точно куколку.

– Накройся.

Кирилл Александрович меня закутывает в это одеяло, точно в кокон. Грубо и не церемонясь.

Дальше они вместе с Семеровым вывозят меня из палаты.

Точно дикое перепуганное животное, я смотрю по сторонам, вообще не ориентируясь. Как завозили меня, я, конечно, не помню, так как была без сознания. Поэтому стены эти вижу в первый и, надеюсь, последний раз.

Доктора вывозят меня из реанимации и на лифте спускают в травматологическое отделение. По пути я кутаюсь в одеяло, так как отовсюду дуют сквозняки и я бы и правда уже сто раз замерзла, если бы не Загорский.

Меня подвозят к седьмой палате, рассчитанной на четверых человек. Одна койка пустая. На двух видны вещи, а четвертая, видимо, моя.

Каталку врачи подвозят прямо к кровати.

– Ляля, иди сюда.

Кирилл Александрович подхватывает меня на руки, точно куколку, и с легкостью перекладывает на кровать. Семеров помогает только с лангетой.

Я снова аккуратно обхватываю его за шею, стараясь не коснуться ничего лишнего. У него очень широкие и сильные плечи. Такие... как у викинга. Он вообще почему-то похож на него. Весь такой brutальный и большой.

Загорский действует умело и осторожно. Он не делает мне больно, но почему-то мое тело очень сильно волнуется и трепещет в его сильных руках.

Ой, даже голова кружится. Ужас какой-то.

Неправильная реакция. Определенно неправильная.

– Значит, так, Климнюк зайдет в течение дня. Перевязку сделает Наташа. Жди.

Семеров точно по инструкции меня информирует, и я коротко киваю. Сердце все еще колотится в груди.

– Спасибо вам... что помогли, но я бы и сама... доковыляла.

Не знаю, почему нервничаю, но, кажется, они это видят прекрасно и ухмыляются.

Голос почему-то сбивается. Что-то я очень волнуюсь в присутствии этих докторов-мужчин.

– Выздоровливай, Ляля. Костыли тебе принесут скоро. Ходить уже начинай.

– Хорошо. Спасибо.

Семеров одаривает меня короткой улыбкой, а Загорский бросает только один серьезный взгляд, после чего они разворачиваются и уходят, закрыв дверь палаты.

Я же сильнее кутаюсь в одеяло, все еще вспоминая, как близко только что была к груди Кирилла Александровича, и успокоиться все никак не могу. Черт, да что со мной? Почему от его голоса, запаха и внешности у меня внутри все трепетать начинает?..

Глава 9

Травматологическое отделение мне сразу нравится намного больше, чем реанимация. Тут все как-то легче и живее, что ли. Ну ковыляет большинство пациентов на костылях или лежит на вытяжке, но все равно. Умирающих особо нет, кроме меня, конечно. Шучу.

Я уже почти что живчиком, но все еще не могу подняться с постели.

У меня нет ни костылей, ни одежды. И если без первого я бы еще как-то поскакала на одной ноге, то без второго вообще никак.

Благо мое состояние замечает завхоз отделения и выдает мне больничную одежду. Обычная ночнушка до середины бедра. Конечно, красоты в ней нет никакой, но зато она отлично скрывает мою наготу. И на том, как говорится, спасибо.

Это городская клиника, хоть и центральная, поэтому большего я, собственно, и не ожидаю.

Костыли мне, кстати, тоже приносят. Не новые, но вроде рабочие. Проблема только в том, что я ходить на них не умею от слова совсем, но думаю, с этим как-то разберусь.

Тетя Вита, здешний повар, приносит мне горячего супа. Ей лет, наверное, пятьдесят уже. И она как-то сразу располагает к себе.

Добрая и заботливая, и даже ее не очень вкусный больничный суп я уплетаю за обе щеки. Голодная я потому что, точно дикий зверек.

Ближе к полудню раздается скрип двери, и вскоре я вижу медсестру. Темненькая, среднего роста, с небольшим лишним весом, но зоркими глазами.

– Привет, я Наташа. Ты Ромашкина Ляля?

– Да. Я.

– Перевязку делаем?

Поднимаюсь на кровати.

– Ага. Делаем.

– Сейчас тогда, возьму все.

Уже через минуту Наташа возвращается с точно такой же тележкой, которая была вчера у моего лечащего врача Геннадия Петровича.

Когда медсестра разрезает бинты на моей ноге, её глаза становятся больше.

– Да уж... Как тебя так угораздило, бедняжка?

– Со сцены упала.

– Со сцены? Ты что, актриса какая-то?

Поджимаю губы. Больная тема.

– Балерина.

– Ого. Ничего себе! Давай посмотрим, что тут у тебя...

Ох и постарались же наши хирурги. Швов, конечно, тебе наделали целую кучу.

Наташа промакивает рану йодом, и я морщусь. Как же

больно, а выглядит так вообще... ужас просто.

Мало того, что швов тут до фига, так еще и нитки везде торчат, дренажные трубки плюс отек. Зрелище, конечно, не для слаонервных.

Отворачиваюсь. У меня слезы на глаза наворачиваются от этого вида. Горько и больно. Обидно просто до ужаса. Я всегда ноги берегла, а тут... упала. Как я теперь танцевать буду с таким шрамом? Просто кошмар.

– Да не плачь. Поверь, я тут еще хуже травмы видела. Заживет. Вот увидишь. Бегать еще будешь. Тебя кто оперировал?

– Геннадий Петрович и этот... Семеров.

– Ого! Ну так тебе повезло. Один с тридцатилетним стажем, тогда как второй рядовой хирург в нашей больнице. Он очень талантлив, к нему очереди целые пациенты. Поверь, лучше хирургов не найти, хоть у Семенова и характер дерьмо. Зато специалист он первоклассный. А анестезиолог кто был?

– Кирилл Александрович. Загорский.

Тут же замечаю на лице Наташи полуулыбку, которую она тут же прячет. Она и его знает?

– Что? Ты тоже его знаешь?

– Да. Знаем мы таких. Девочка, ну ты прямо счастливица. Наша самая ценная троика тебе операцию делала. Загорский классный наркоз делает. Он наш лучший анестезиолог-реаниматолог в больнице. Как специалист прекрасный. Котя-

ра, конечно, ну это уже другой вопрос.

– Котяра? Почему?

– Ну как тебе сказать... Ты же видела его. Молод, красив и умен, как сам черт. По нему тайно вздыхает добрая половина всего женского коллектива нашей клиники. В тридцать три уже карьера такая успешная. Заведующий реанимации, востребован. А внешность какая... Брутал. Красавчик. Тут трудно устоять.

Прикусываю губу.

– А он что? Пользуется этим?

– Да ему плевать, в том-то и дело. Я же говорю, он как кот. Дрессировке вообще не поддается, да и характер... Чисто врачебный. К такому так просто не подъедешь. Даже голову не повернет. Вот другое дело Семеров. Вот это тот еще экземпляр, но тоже без вариантов. Я даже не пытаюсь ему понравиться. Ему плевать, хоть и улыбнуться порой может так, что аж колени подгибаются.

Прикусываю губу. Мне уже нравится эта медсестра, а точнее, ее долгий язык.

– А он... женат?

– Кто? Кирилл Александрович?

– Да.

– Нет, не женат. Такого попробуй окольцуй, хотя наша Янина Драконовна уже давно точит свои коготки.

– Драконовна?

– Нет, вообще, она Сергеевна, но уж больно характерная.

Поэтому да, Драконовна, но только между нами.

– А она медсестра?

– Нет, Янина Кошилина у нас тоже врач. Хирург-ортопед, притом классный. Одно время даже главной тут была, но потом Климнюк стал заведующим. Она давно запала на Кирилла Александровича. Ухватила за него намертво просто. Да и пора ей. Понятно все. Родить она хочет. Ей уже тридцать пять. Часики-то тикают. У них там мутки и типа все серьезно, так что ты не заглядывайся на него. Занят он. Seriously притом.

– Я и не заглядываюсь. Вообще не заглядываюсь.

– Вот и молодец. Это не мое дело. Да и не твое, если честно. Давай. Все уже. Готово.

Наташа собирает все принадлежности и закручивает бутылки, а я тяжело вздыхаю.

У Кирилла Александровича, оказывается, женщина есть. И почему это так сильно меня огорчает?

Глава 10

В травматологическом отделении я уже второй день, однако привыкнуть к этому всему до сих пор не могу. Постоянно кто-то ходит, кто-то орет, и еще эти запахи! Боже, везде медикаменты, и пахнут они, прямо скажем, не розами.

Я очень сильно переживаю за бабулечку. Она одна дома осталась. Надеюсь, ей хоть соседка с продуктами поможет, а то я сейчас даже не доковыляю домой. В последнее время бабушка почти не выходит из дома и часто пьет таблетки от давления, но я надеюсь, что она все же поправится.

Благо Климнюк вчера позвонил ей на домашний. Мобильного у бабушки нет, да и не хотела она его никогда. По словам Геннадия Петровича, бабушка моя божий одуванчик. Слышать это от угрюмого пожилого хирурга было странно-вато, но я ему все же сказала спасибо.

Только сегодня мне удалось забрать вещи, в которых меня привезла скорая. Честно говоря, негусто, всего одни разорванные брюки для тренировки и тонкая кофточка, но уже что-то. Зато мобильник там был, и я смогла позвонить Надюше.

Она моя подруга с балета. Мы не конкурируем, так как она на год старше и уже поступила.

Надя обещала мне притащить одежду и еду. Я уже жду не дождусь, когда получу свою пижаму. Сидеть в больничной

одежде на казенном постельном белье мне не нравится. От слова совсем.

Нога уже лучше, но все еще болит, да и наступать на нее нельзя. Как только я заикнулась об этом, Геннадий Петрович чуть было мне по голове костылем не настучал. Кстати, на костылях я уже учусь ходить! Сегодня впервые прыгаю на них, как подбитый заяц, по палате. Сначала было странно, но потом я как-то приловчилась.

Сегодня понедельник, и в отделении куча людей. Новенькие, старенькие – все с какими-то травмами. Периодически в коридоре ходит Семеров, один раз издали мельком видел Загорского, но никто из них даже не посмотрел на меня. Совсем. Даже голову не повернули.

Тоже мне. Я так понимаю, там корона у них на голову давит или что. Может, просто много пациентов и им не до меня.

Честно говоря, мне без разницы. Скорее всего, они просто чертовски заняты, так как на них почти все время хирургические костюмы вместо белых халатов, будто они в операционной живут, ей-богу.

Крепко удерживая костыли в руках, я с трудом открываю дверь палаты и выглядываю в коридор. Людей много, но и ходить-то мне надо. Становиться полным инвалидом я еще как-то не планировала.

Мне двигаться нужно, иначе не то что форму потеряю до поступления, а вообще забуду, как ходить.

Я ковыляю медленно, согнув в колене свою лапку горемычную, когда вдали коридора замечаю его. Загорский. Точно он. Очень быстро заходит в какую-то палату, а за ним идет... женщина. Чуть ли не бежит, так как шаг у мужчины большой.

Брюнетка. Такая яркая, шикарная даже. Я вижу ее накрашенные глаза даже отсюда. Красивая. Нет, она просто чертовски красивая.

Становится не по себе. Кажется, это и есть Драконовна. Янина Драконовна, только на дракона она вообще не похожа. Скорее на богиню Афродиту.

Формы тоже соответствуют. Фигурная. Даже в ее белом халате я замечаю, что у нее большая грудь, тонкая талия и округлая попа. Сама высокая, точно модель.

Что-то мне уже не очень хорошо. У меня тоже фигура красивая, но груди нет такой и близко. Я худенькая и мелкая. Для балета сойдет, но для мужчины пресно. Так бабулечка всегда говорит. Наверное, это и правда так.

От увиденного что-то больно сжимается в груди.

Медсестра Наташа, значит, не соврала. Вместе они. Любовь там у них и все дела.

Да и на что я надеялась? Что такой мужчина, как Кирилл Александрович, на меня посмотрит как на девушку?

Вот дура набитая! Просто бесконечная.

Проковыляв еще пару метров, я решаю не мозолить никому глаза и просто скрыться в своей берлоге-палате, но, резко

развернувшись, не замечаю, что полы после меня уже помыты, и просто кулем сваливаюсь на серую плитку.

В тот же миг мою ногу в гипсе пронзает миллионом болезненных иголок.

– Ай, нога!

Боже, такого позора я еще в жизни не испытывала. Распластаться посреди коридора больницы на глазах у десятков людей, которым, по-честному, глубоко плевать на тебя.

Но хуже не это. Я упала и больно ударилась ногой. Она и без того болела у меня, а сейчас так и вовсе кошмар, как донимает.

Мои костыли падают вместе со мной и звонко ударяются о плитку, а я... реву. От шока, боли и, наверное, несправедливости второго падения за три дня.

Все тело враз немеет. Чувствую, как щеки становятся горячими, но плакать не могу. И шевелиться, кажется, тоже.

– Давай руку.

Кто-то меня с легкостью буквально за шкуру от пола отдирает и за руку придерживает, но я не понимаю: что, кто, что произошло...

– Ляля, посмотри на меня.

Поднимаю взгляд и вижу напротив ого-го какого высокого врача. С такого расстояния он еще выше кажется. Я ему

едва ли до груди достаю, и то если только на носочки встану. Моргаю, высоко задрав голову. Встречаюсь с красивыми зелеными глазами. Его глазами.

– Кирилл Александрович...

Как он подошел ко мне, когда?

Он ведь был на другом конце коридора, или я так долго лежала на полу, что даже не заметила, как Загорский пришел?

– Хватайся за меня. Янин, возьми костыли ее, пожалуйста.

Еще миг, и Загорский подхватывает меня на руки. Прижимает к груди. Он сегодня в синем костюме. Через мощную смуглую шею перекинут стетоскоп.

Я снова тайно вдыхаю его запах, который так нравится мне. Будоражит, волнует очень сильно.

Все еще не до конца понимая, что случилось, я лишь сильнее ухватываюсь за Кирилла Александровича, ощущая его сильные руки, которыми он меня прижимает к себе.

Врач быстро относит меня прямо в мою палату и укладывает на кровать.

Сглатываю, обхватывая колени руками. От падения меня все еще колотит.

– Спасибо.

– Надо под ноги смотреть.

Грубо и сухо. Сухарь!

– У нас тут не богадельня вообще-то. Лангету могла сломать, и потом снова никто бы не оперировал, все и так заня-

ты.

Это говорит женский голос. Янина. Она тоже зашла следом за нами с Кириллом Александровичем. Вблизи эта женщина еще более красивая. Холеная, я бы сказала. Рядом с такой себя серой мышкой ощущаешь.

– Извините, я случайно.

От волнения лишь всхлипываю. Язык словно заплетается, особенно в присутствии Кирилла Александровича. Блин.

– Куда ты шла? Зачем ковыляешь, если еще не умеешь на костылях ходить?

– Кир, я помогу ей. Иди. У тебя операция уже.

Застываю, когда Янина лучезарно улыбается мужчине, источая прямо потоки добра и ласки. Аж неловко как-то становится. Похоже, я тут явно лишняя.

– Под ноги научись смотреть. Я тебе наркоз больше делать не стану.

Холодно и даже как-то обидно. Бросает, разворачивается и уходит.

Кажется, я уже ненавижу его.

– Ты у нас Ромашкина?

Голос Драконовны, в отличие от ее клички, не жесткий. Напротив, он такой... как вода. Красивый, лилейный, я бы даже сказала.

– Да.

– В моем отделении такие пациенты, как ты, должны по палатам сидеть. Нельзя тебе по коридору ходить после такой

операции. Выздоровливай.

Понимая уже, что прозвище ей идеально подходит, я просто офигеваю, когда вижу, как эта красота неописуемая берет мои костыли и относит их в другой угол от моей кровати. Эта сука ставит их максимально далеко от меня, молча разворачивается и выходит, хлопнув дверью.

Мои соседки по палате только брови вскидывают вверх от удивления, но после все отворачиваются. Никому до меня нет никакого дела.

Я же сижу, смотрю на все это и что-то не понимаю.

То ли я дура и мне это просто показалось, то ли Янина сейчас специально мои костыли закинула подальше, чтобы я, как заяц, прыгала к ним по всей палате?

Зачем? Наверное, я просто что-то не так поняла.

Одного только воспринять не могу. Как Кирилл Александрович может быть с вот этим вот... огнеметушим? Что, реально, что ли?

Похоже, внешность действительно обманчива, хоть мне и далеко, конечно, до нее. Понятно, что мужчины на фигуру смотрят, ну так и у меня есть фигура! И грудь небольшая, и талия тонкая, и ноги. Не от ушей, конечно, но тоже красивые. Я же балерина, но, наверное, ему более яркие нравятся.

Такие, как Янина. Куда уж мне до нее.

И так обидно в этот момент мне становится. До слез прямо. Сама даже не знаю почему. Просто мне хотелось, чтобы я в глазах Кирилла Александровича тоже симпатичной была.

Просто хочется мне так. Не знаю почему.

Глава 11

Сегодня уже среда, и я жду не дождусь Надюшку. В палате душно. Я выхожу в коридор посидеть. Тут есть что-то вроде отдельного угла с небольшим диванчиком.

Мимо меня проносятся медсестры. Ковыляют больные, но, честно говоря, мне нет до них никакого дела, так как вдали коридора я снова замечаю его.

Опять только мельком, но этого тоже хватает, чтобы сердце начало стучать быстрее. Кирилл Александрович возвращается с очередной операции. Даже представить себе не могу, как он вообще живет в таком темпе.

Невольно поправляю волосы. Вдруг он увидит? Хотя мужчина даже внимания на меня особо не обращает. Всегда серьезен и строг, брутальный, мужественный.

Я теперь понимаю, почему все медсестры засматриваются на него. Кирилл Александрович очень красив, такой... что у меня внутри все трепещет, когда вижу его. Странная реакция.

У меня такое точно впервые. Так необычно, остро, запретно, опасно. Я знаю, что у него есть женщина, но все равно. Я смотрю на него, и каждый раз, когда встречаю, внутри все переворачивается.

Что касается Семерова, то он чаще бывает в отделении, но заходит только к своим пациентам. На меня вообще не

смотрит, словно меня и нет. У него тоже, похоже, характер чисто врачебный, и я уж точно не завидую его жене, хотя, судя по сплетням медсестер, он тоже холост, как и мой... Ну, точнее, не мой, конечно. Просто как Кирилл Александрович.

– А-а, маська моя!

Оборачиваюсь и не могу сдержать улыбку.

– Надюшка!

Подруга несется ко мне, как ураган. Большие светлые локонны развеваются в разные стороны. В ее руках гремят большие пакеты, а в них точно банки. Господи...

– Ты что там набрала?

– Да всего понемногу.

Надя крепко меня обнимает, и у меня невольно слезы выступают.

– Как тебя угораздило так, мась? До вступительных же месяц остался. Ну ты даешь, вообще. Я, как только узнала, чуть со стула не упала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.